

Пѣвецъ Имперіи и свободы

Какъ не выкинешь слова изъ песни, такъ не выкинешь политики изъ жизни и **пѣсенъ** Пушкина. Хотимъ мы этого или не хотимъ, но имя Пушкина остается связаннымъ съ **исторіей** русскаго политическаго **сознанія**. Въ 20-ые годы вся либеральная **Россія** декламировала его **революціонные** стихи. До самой смерти поэтъ несетъ **послѣдствія** юношескихъ **увлеченій**. Дважды изгнанникъ, вечный поднадзорный, онъ оставался, въ **глазахъ** правительства, всегда опаснымъ, всегда духовно связаннымъ съ **ненавистнымъ** декабризмомъ. И, какъ бы ни **измѣнились** его взгляды въ 30-ые годы, на **предсмертномъ** своемъ **памятникѣ** онъ все же **высѣкъ** слова о **свободѣ**, имъ **возславленной**.

Пушкинъ-консерваторъ не менее Пушкина-революціонера **живетъ** въ кругу **политическихъ** интересовъ. Его **замѣтки, историческія** темы его **произведеній** объ этомъ свидетельствуютъ. Конечно, поэтъ никогда не былъ **политикомъ** (какъ не **былъ** **ученымъ** историкомъ). Но у него былъ **органъ** политическаго **воспріятія**, въ **благороднѣйшемъ** **смыслѣ** слова (какъ и **воспріятія** историческаго). Утверждая **идеалъ** жреческаго, аполитическаго служенія поэта, онъ наполовину обманывалъ себя. Онъ никогда не былъ **тѣмъ отрѣшеннымъ** жрецомъ красоты, **какимъ** порой **хотѣлъ** казаться. Онъ съ удовольствіемъ **брался** за метлу и политической эпиграммы и **журнальной** критики. А главное, въ немъ всегда были живы **нравственныя** основы, изъ которыхъ вырастаютъ политическая **совѣсть** и политическое **волненіе**. Во всякомъ случае, въ его **храмѣ** Аполлона было два алтаря: **Россія** и свободы.

Могло ли быть иначе при его **ЦЕЛЬНОСТИ**, при его укорененности во **всеединствѣ**, выражаясь языкомъ ненавистной ему философы? Пушкинъ никогда не отделялъ своей личности отъ **міра**, отъ **Россія**, отъ народа и государства **русскаго**. Въ то же **время** его живое нравственное **сознаніе**, хотя и подчиненное эстетическому, **не** позволяло принять все действительное, какъ Разумное. Отсюда **революціонность** его юныхъ летъ и умеренная оппозиція режиму Николая I. Но главное, поэтъ не могъ

никогда и ни при какихъ **обстоятельствахъ** отречься отъ того, что составляло основу его духа, отъ свободы. Свобода и Россія — это два метафизическихъ корня, изъ которыхъ **выраста**етъ его личность.

Но **Россія** была дана Пушкину не только въ аспекте женственномъ — природы, народности, какъ для Некрасова или Блока, но и въ мужескомъ — государства, Имперіи. Съ другой стороны свобода, личная, творческая, стремилась къ своему политическому **выраженію**. Такъ, само собою, дается одно изъ главныхъ силовыхъ **напряженій** пушкинскаго творчества: **Имперія** и Свобода.

Замѣчательно: какъ только Пушкинъ закрылъ глаза, разрывъ имперіи и свободы въ русскомъ **сознаніи** совершился **без**поворотно. Въ **теченіе** целаго **столѣтія** люди, которые строили или поддерживали **имперію**, гнали **свободу**, а люди, **боровшіе**ся за свободу, разрушали имперію. Этого **самоубійственного** разлада — духа и силы — не могла выдержать монархическая государственность. **Тяжкій** обвалъ императорской Россіи есть прежде всего **слѣдствіе** этого внутренняго рака, ее разъедавашаго. Консервативная, **свободо-ненавистническая** **Россія** окружала Пушкина въ его **послѣдніе** годы; она создавала тотъ **политическій** воздухъ, которымъ онъ **дышалъ**, въ **которомъ онъ** порой задыхался. Свободолюбивая, но безгосударственная **Россія** рождается въ **тѣ** же тридцатые годы съ кружкомъ Герцена, съ письмами Чаадаева. Съ весьма малой **погрѣшностью** можно утверждать: русская **интеллигенція** рождается въ годъ смерти Пушкина. **Вольнодумецъ**, бунтарь, лекабристъ, — Пушкинъ ни въ одно **мгновеніе** своей жизни не можетъ быть поставленъ въ связь съ **этою** замечательной исторической формашей — русской интеллигенціей. Всеми своими корнями онъ уходитъ въ 18 векъ, который имъ заканчивается. Къ нему самому можно приложить его любимое имя:

Сей остальной изъ стаи славныхъ

Екатерининскихъ орловъ.

Изучая движеніе **обеихъ политическихъ** темъ Пушкина, — мы видимъ, что одна изъ нихъ не перестаетъ изменяться, постоянно сдвигаетъ свои грани, и въ общемъ **указываетъ** на определенную эволюцію. Выражаясь очень грубо, **Пушкинъ** изъ **революціонера** становится **консерваторомъ**. 14 декабря 1825 года, **столь** же грубо, можно считать главной политической **вѣхой** на **его** пути. Мы постараемся лишь показать, что, какъ въ **декабрьскіе** свои годы Пушкинъ не походилъ на **клас**сическаго революціоннаго героя, такъ и въ николаевское вре-

мя, отрекшись отъ **революціи**, онъ не отрекался отъ свободы. Сама свобода лишь менялась въ своемъ **содержаніи**. Зато другая тема, тема **имперіи**, остается **неизмѣнной**. Это константа его творчества. Чтобы убедиться въ этомъ, достаточно сравнить два «**Воспоминанія** въ Царскомъ сел*». Одно лицейское 1814-го года, то самое, которое онъ читалъ на **экзаменѣ** передъ **Державиннымъ**, другое 1829 г., по **возвращеніи, послѣ долгихъ лѣтъ** изгнашя, въ священныя сердцу места. При всемъ огромномъ **различіи** художественной формы тема не **измѣнилась**; остались и **тѣ** же **сочетанія** образовъ: «великая жена», Кагульскій памятникъ, столь дорогой ему по **воспоминаніямъ** отроческой любви.

Увы, **промчались тѣ** времена златяя,
 Когда подъ скипетромъ **великія** жены
Вѣнчалась славою счастливая **Россія**, —
 вздыхаетъ отрокъ. И **зрѣлый** Пушкинъ **отвѣчаетъ**:
 Еще исполнены великою Женею
 Ея любимые сады.
 Стоять населены чертогами, столпами,
 Гробницами друзей, кумирами **боговъ**,
 И славою мраморной и медными хвалами
 Екатерининскихъ орловъ.

Героическія **воспоминанія** минувшаго **вѣка** окружаютъ **дѣтство** Пушкина. **Лѣтопись побѣдъ** Россіи воплощается въ **незабываемыхъ** памятникахъ, **разсѣянныхъ** въ чудесныхъ садахъ **Екатерины**. Личная **біографія** поэта на заре его жизни **сливается** съ **исторіей** Россіи: ея не вырвать изъ сердца, какъ первую любовь.

Гроза 12 года глубоко взволновала **царскосельскій** лицей. Для Пушкина она навсегда осталась источникомъ вдохновенія. Но замечательно, что за ней онъ **прозрѣвалъ вѣкъ** еще **болѣе могучій**, котораго последними отпрысками были герои 12 года. Слагая оды Кутузову, **Барклаю-де-Толли**, онъ ихъ видитъ на **фонѣ** восемнадцатаго века. Таковъ же для него и **генераль Раевскій** — «свидетель екатерининскаго **вѣка**» прежде всего, и уже потомъ «памятникъ 12 года». Пушкинъ никогда не терялъ случая собирать живыя **воспоминанія** **прошлаго вѣка** — **вѣка** славы — изъ устъ его последнихъ представителей. Таковы для него старый **Раевскій**, кн. Юсуповъ, **Мордвиновъ**, фрейлина Н. К. Загряжская; разговоры съ которой онъ **тщательно** записывалъ.

Нахлынувшія въ молодости революшонныя **настроенія** **ни** сколько не поколебали у Пушкина этого **отношенія** къ имперіи

— не только въ прошломъ ея **великолѣпіи**, но и въ живой ея **традиціи**, въ настоящей **борьбѣ** за **экспансію**. Чрезвычайно интересно изучать то, что можно назвать имперскими концовками въ его раннихъ, такъ назыв. байроническихъ поэмахъ: въ «**Кавказскомъ пленнике**», въ «**Цыганахъ**» — тамъ, **гдѣ** мы ихъ **менѣе** всего ожидаемъ. Казалось бы, на Кавказе **сочувствіе** мятежнаго поэта должны были привлечь вольнолюбивые горцы, **отстаивавшіе** свою свободу отъ наступающей Россіи. Ведь, для пленника въ жизни **нѣтъ** ничего **выше** свободы:

Свобода, онъ одной тебя

Еще искалъ въ **подлунномъ** свете...

Байронъ — и Вальтеръ Скоттъ — конечно, встали бы на сторону **горцевъ**. Но Пушкинъ не могъ изменить Россіи. Его **сочувствіе** раздваивается между черкесами и казаками. Чтобы примирить свое сердце съ имперскимъ сознаніемъ, — свободу со славой, — онъ **дѣлаетъ** русскаго **плѣнникомъ** и **подчеркиваетъ** жестокость дикихъ **сыновъ** Кавказа. Тогда казачія **лищи** и **русскіе** штыки становятся сами символомъ свободы:

Тропой далекой

Освобожденный **плѣнникъ** шель,

И передъ нимъ уже въ **туманахъ**,

Сверкали **русскіе** штыки,

И окликались на курганахъ

Сторожевые казаки.

Не довольствуясь этимъ завершающимъ аккордомъ, поэтъ слагаетъ въ Эпиллоге гимнъ завоевателямъ Кавказа — **Цицианову**, **Котляревскому**, **Ермолову**, не щадя жестокихъ **красокъ**, не смягчая исторической правды. Особенно ужаснымъ **встаетъ Котляревскій**. — «бичъ **Кавказа**». Стихи, ему посвященные:

Твой ходъ, какъ черная зараза,

Губилъ, ничтожилъ племена, —

вызвали въ свое время гуманнѣе и справедливыя **замѣчанія** кн. Вяземскаго: «Мне жаль, что Пушкинъ окровавилъ стихи своей повести... Гимнъ поэта никогда не долженъ быть **славословіемъ рѣзни**».

Здесь, несомненно, налицо погрешность **противъ** **нравственнаго**, а, следовательно, и художественнаго такта. Это юношеское увлечете **насиліемъ** въ гимне имперіи находитъ свою параллель въ оде «Вольность» — гимне свободе.

Зато въ **зрѣлыхъ**, почти совершенныхъ «**Цыганахъ**» «имперская **концовка**» даетъ настоящее **разрѣшеніе пронесшейся** бу-

рѣ губительныхъ **страстей**. **Надъ** личной **трагедіей** проносится, какъ примиряющее и возвышающее **воспоминаніе**:

Въ стран*, **гдѣ** долго, долго брани
Ужасный гуль не **умолкаль**...
Где старый нашъ **орель** двуглавый
Еще шумить минувшей славой...

Въ «**Полтавѣ**», въ «**Мѣдномъ** Всадник*» тема Имперш уже не концовка и не **орнаментъ**; она составляетъ самую душу поэмь: **заглавія** объ этомъ **свидѣтельствуютъ**. Въ «Полтаве» **Петръ**, истинный ея герой, **подавляетъ** своимъ грознымъ **величіемъ** трагическихъ **любовниковъ**:

Лишь ты **воздвигъ**, герой Полтавы,
Огромный **памятникъ** себе.

Этотъ памятнику съ **тѣми** же аполлиническими и грозными чертами императора, оживаетъ и въ петербургской поэм*. Въ «**Мѣдномъ** Всадникъ» не два д*йствующихъ лица, какъ часто утверждали, давая имъ символическое **значеніе**: **Петръ** и **Евгеній**, государство и личность, Изъ-за нихъ явственно встаетъ образъ третьей, безликой силы: это **стихія** разбушевавшейся Невы, ихъ **общій врагъ**, **изображенію** котораго посвящена большая часть поэмы. И какое это изображеніе! Нева кажется почти живой, одушевленной, злой силой:

Осада, приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, л*зуть въ окна...

Продолжая **традиціонную** символику — законную, ибо Всадникъ, **несомнѣнно**, символъ Имперш, какъ назвать эту третью силу — стихш? Ясно, что это тотъ самый зм*й, котораго **топчетъ** подъ своими копытами всадникъ Фальконета. Но кто онъ, или что онъ? Теперь, въ св*т* торжествующей революціи, слишкомъ соблазнительно увид*ть въ этой стихш **революцію**, обуздываемую царемъ. Но о какой **стихійной** революціи **могъ** думать Пушкинъ? Ужъ, конечно, не **стихійнымъ** было **14** декабря. Пугачевщина скор*е **напоминаетъ** разливы волнь. Но и это **толкованіе** было бы слишкомъ узкимъ. Для Фальконета, какъ для людей 18 в*ка зм*й означалъ начало тьмы и косности, съ которымъ борется Петръ: скор*е всего старую, московскую Русь. Мы можемъ расширить это **пониманіе**: **змѣй** или **наводненіе** — это все **иррациональное**, **слѣдое** въ русской жизни, что, обуздываемое Аполлономъ, всегда готово прорваться: въ сектанств*, въ нигилизм*, въ черносотенстве, въ **бунтѣ**. Русская жизнь и русская государственность непрерывное и мучительное **преодоленіе** хаоса началомъ разума и **воли**. Въ **этомъ** и заключается для Пушкина смыслъ **империи**. А **Евгеній**,

несчастная жертва борьбы **двухъ** началъ русской жизни, это не личность, а всего лишь обыватель, **гибнущій** подъ копытомъ коня имперш или въ волнахъ революши.

Конечно, и Всадникъ имперш **имѣеть** въ себе нечто демоническое, **безчеловѣчное**:

Ужасень онъ въ окрестной мглѣ.

Называя его «кумиромъ», поэтъ **подчеркиваетъ** языческую природу государства. Пусть ужасный ликъ Петра въ «Полтавѣ» **божественъ**:

— Онъ весь какъ **Божія** гроза. —

Но что это за божество? Кто это «богъ **браней**» со своей **благодатью**? Не Аполлонъ ли, разъ навсегда **смутившій** воображеніе отрока поэта? — «Дельфійскій идоль», «**полонъ** гордости ужасной» и **дышачій** «неземной силой».

Безполезно было бы до конца этизировать **аполлинический** эросъ **имперш**, которымъ **живетъ** Пушкинъ. Мы уже видели **срывъ военныхъ** строфъ «Кавказскаго Пленника». Этотъ **срывъ** неизбеженъ въ **пѣсняхъ** войны. На бранномъ поле Аполлону трудно сохранить благородство своей безстрастной красоты. **Гдѣ** кровь, тамъ торжествуетъ **стихія**: «И смерть и адъ со всехъ **сторонъ**».

Пушкинъ любилъ войну — **всегда**, отъ **дѣтскихъ** летъ до смерти. Въ молодости мечталъ о военной службѣ, въ тридцать летъ, въ Эрзерумскомъ походе мчался — единственный разъ въ жизни — въ казачьемъ строю противъ **непріятели**. За **отсутствіемъ** военныхъ **впечатлѣній**, всю жизнь **возилъ** съ оружіемъ, **искалъ** въ **дуэляхъ волнующихъ ощущений**. Даже Николай Павловичъ импонировалъ ему «**в о й н о й**, надеждами, трудами».

Безполезно поэтому видеть въ имперш Пушкина чистое **выраженіе** нравственно - политической воли. Начало правды слишкомъ часто въ стихахъ **поэта**, какъ и въ жизни государства — отступаетъ передъ **обаяніемъ** торжествующей силы. Обе **анти-польскихъ** оды («Клеветникамъ Россш» и «Бородинская годовщина») являются яркимъ **воплощеніемъ** политическаго аморализма:

Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ море,

Оно ль изсякнетъ?

Это чистый вопросъ силы. Самая возможность **примиренія враждующихъ** славянскихъ **народовъ**, возможность ихъ братскаго **общенія** игнорируется поэтомъ. И здесь, какъ въ гимне Котляревскому, Пушкинъ имеетъ противъ себя кн. **Вяземскаго** — и А. **И. Тургенева**. Зато можно представить себе, что

былые друзья его — декабристы были бы съ нимъ въ этомъ отношеніи къ польскому **возстанію** 1830 года. **Имперскій** патриотизмъ былъ не менѣе **сильной** страстью **революціонеровъ** 20-хъ годовъ, ч*мъ самое чувство свободы. Великодушное отношеніе къ **Польшѣ** императора Александра глубоко ихъ **возмущало**. Въ этомъ **нечувствіи** къ **Польшѣ**, къ ея **національной ранѣ**, Пушкинъ, какъ и декабристы, принадлежалъ всец*ло 18 вѣку.

Но, если это такъ, если **имперію** нельзя очистить до значенія нравственной силы, не разрушаетъ ли она свободы? Какимъ образомъ Пушкинъ могъ **совмѣщать** служеше этимъ двумъ божествамъ?

Вернемся къ «М*дному **Всаднику**», который даетъ ключъ къ пушкинской имперіи. Въ этой поэм* имперіи представлена не только **Петромъ, воплощеніемъ** ея титанической воли, но и **Петербургомъ, его созданиемъ**. **Незабываемыя** строфы о Петербург* лучше всего даютъ возможность понять, что любить Пушкинъ въ «**твореніи** Петра». Сов*стно цитировать то, что мы вс* помнимъ наизусть, что повторяемъ ежедневно, какъ **благія чары** противъ тоски и смуты нашей жизни. Но, не цитируя, стоитъ лишь напомнить, что все волшебство этой с*верной петербургской **красоты** заключается въ **примиреніи** двухъ противоположныхъ началъ: тяжести и строя. Почти вс* эпитеты парны, взаимно уравниваютъ **другъ** друга: «**громады стройныя**», «**строгий, стройный видъ**», «**узоръ чугунный**». Чугунъ р*шетокъ прорезывается легкимъ **узоромъ**; громады **пустынныхъ** улицъ «ясны», какъ «светла» игла крепости. **Недвиженъ** воздухъ жестокой **зимы**, но **легокъ** зимой «**бѣгъ** санокъ» и «ярче розъ — д*вичьи **лица**». Какъ торопится Пушкинъ набросить на гранитную тяжесть своего любимаго города прозрачную ясность **бѣлыхъ** ночей, растворяющихъ **всѣ** «громады» ея спящихъ массъ въ неземномъ и призрачномъ. И **Даже** суровыя **военныя потѣхи** марсовыхъ **полей** исполнены «**стройно-зыблемой**», живой «красивостью». Пушкинъ, какъ и Николай I, любилъ военные парады. Но, несомнѣнно, они должны **были** по-разному воспринимать ихъ красоту.

Имперія, какъ и ея столица, для Пушкина, съ эстетической точки зрѣнія, это прежде всего ладъ и строй, окрыленная тяжесть, одухотворенная мощь. **Она безконечно** далека отъ тяжести древнихъ восточныхъ **имперій**, отъ **ассирійскаго** стилия, въ которому напр., посл*-бисмарковская и современная **Германія** ищетъ воплотить свой идеалъ мощи.

Но эта эстетическая стройность имперіи получаетъ — по

крайней мере, стремится получить — и свое нравственное выражѣніе. Пушкинъ по-разному видитъ Петра. То для него онъ **полубогъ**, или демонъ, то **человѣкъ**, въ которомъ Пушкинъ хочетъ выразить свой идеаль **свѣтлой** человечности. Таковъ онъ въ «Арапе Петра Великаго», таковъ въ мелкихъ пьесахъ. «Пиръ Петра Великаго» это апофеозъ **прощенія**. Въ стансахъ 1826 г. онъ «незлобенъ **памятью**», «правдой привлекъ сердца». Но еще более, **чѣмъ** правда и милость, **подвигъ** просвѣщены и культуры **составляетъ** для Пушкина, какъ для людей 18 века, главный смыслъ имперіи: онъ «нравы укротилъ наукой», «онъ смело сеялъ **просвѣщеніе**». Преклоненіе Пушкина передъ культурой, еще **ничѣмъ** не отравленное, — ни славянофильскими, ни **народническими**, ни толстовскими **сомнѣніями**, — почти непонятное въ наши сумеречные дни, — не менее военной славы приковывало его къ 18 веку. Онъ готовъ посвятить неосуществленной Исто'риі Петра Великаго свою жизнь. И, **хотя** изученіе архивовъ вскрываетъ для него темныя стороны тиранства на любимомъ лице, **онъ** не допускаетъ этимъ **низкимъ истинамъ** омрачить ясность своего творимаго Петра: подобно тому, какъ низость Екатерины, прекрасно ему известная, не пятнаетъ образа «Великой Жены» въ его искусстве. **Низкія** истины остаются на **страницахъ** записныхъ **книжекъ**. Въ своей **поэзи**, — включая и прозаическую **поэзію** — Пушкинъ чтитъ въ венценосцахъ 18 **вѣка** — более въ Петре, конечно, — творцовъ русской славы и русской культуры. Но тогда нетъ ничего **несовместимаго** между **имперіей** и свободой. Мы понимаемъ, почему Пушкину такъ легко дался этотъ синтезъ, который былъ почти неосуществимъ после него. Въ историческихъ заметкахъ 1822 г. Пушкинъ выразился о своемъ императоре: «Петръ **I-ый** не страшился народной свободы, **неминуемаго слѣдствія просвѣщенія**... Въ **другомъ мѣстѣ** назвалъ его «révolution incertaine», со всей двойственностью смысла, который Пушкинъ — и мы — вкладываемъ въ это слово.

Свобода **принадлежитъ** къ **основнымъ стихіямъ** пушкинскаго творчества и, конечно, его духовнаго • существа. Безъ свободы **немыслимъ** Пушкинъ, и **значеніе** ея выходитъ далеко за пределы политическихъ **настроений** поэта. Въ известномъ «Демоне» 1823 г. Пушкинъ **даетъ** такой инвентаръ своихъ юношескихъ — а, на самомъ **дѣлѣ**, **постоянныхъ**, всегдашнихъ — **святынь**:

Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь...

При видимой небрежности этого списка, онъ отличается исчерпывающей полнотой. Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что къ этимъ четыремъ «чувствамъ» сводится все откровеніе пушкинскаго гуманизма. Свобода, слава, любовь и творчество — это *ergo virtutes cardinales*, говоря по-католически. Правда, это еще не весь поэтъ. Пушкину не чужды и *virtutes theologales*, на которыя онъ бросаетъ намекъ въ «Памятникѣ»: «милость къ палшимъ». Чѣмъ дольше Пушкинъ живетъ, тѣмъ глубже проростаютъ въ немъ христіанскія сѣмена (последнія песни «Онѣгина», «Капитанская дочка»). Но «природный» Пушкинъ — иначе говоря, Пушкинъ, созданный европейскимъ гуманизмомъ, — живетъ этими четырьмя заветами: свободой, славой, любовью, вдохновеніемъ. Онъ никогда не изменяетъ ни одному изъ нихъ, но, если можно говорить объ известной іерархичности, то выше другихъ для него свобода и творчество. Онъ можетъ, во имя свободы, указать на двери любви:

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица...

и во имя ея же поставитъ славу рядомъ съ рабствомъ:

Рабства грозный геній
И Славы роковая страсть...

Но никогда, ни на одно мгновеніе своей жизни Пушкинъ не можетъ отречься ни отъ свободы, ни отъ творчества.

Следя за темой имперіи у Пушкина, мы въ сущности слѣдимъ за политической проекціей его «славы». Приступая къ свободе, не будемъ сразу ограничивать ее политическими рамками. Движете этой темы у Пушкина, во всей ея полноте, можетъ многое уяснить и въ изменчивой судьбе его политической свободы.

«Свобода, вольность, воля»... особенно «свободный, вольный»... нѣтъ словъ, которыя чаще бросались бы въ глаза при чтеніи Пушкина. Пожалуй, они встречаются такъ часто, что мы къ нимъ привыкаемъ, и они перестаютъ звучать для насъ (въ этомъ омертвленіи привычнаго совершенства главная причина нередкой у насъ холодности къ Пушкину). Осознаемъ ли мы вполне смыслъ такихъ строкъ:

Какъ вольность, веселье ихъ ночлеги?...
Чувствуемъ ли мы всю странность этого образа:

подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляеть вольная луна, —
издѣвающагося надъ всеми законами астрономш?
Въ невиннейшей «Птичке» способны ли мы, подобно ум-
ному цензору, разглядѣть серьезность и почти релипозную
силу пушкинскаго свободолюбія:

За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Въ чемъ только, въ какихъ образахъ Пушкинъ не искалъ
воплощенія своей свободы! Въ вине и пирахъ, въ орле «вскор-
мленномъ на волѣ» и въ беззаботной «птичкѣ Божіей», въ вол-
нующемся море (это одинъ изъ главныхъ ликовъ свободы) и
въ лишіи снеговыхъ горъ. Свободе посвящены всецело поэмы
(помимо не удавшася юношескаго «Вадима»): «Братья-раз-
бойники», «Кавказскій плѣнникъ», «Цыганы». Изъ позднихъ
свобода, конечно, одушевляетъ «Анджело».

Но, въ отличіе отъ темы имперш, тема свободы неперестан-
но движется. Пушкинъ не только находитъ все новыя ея вопло-
щенія: отъ нихъ онъ отрекается, хотя у Пушкина отреченіе
никогда не безповоротно. За смѣной формъ ясно измѣненіе
въ самой природе пушкинской свободы; не только въ творче-
стве, но и въ живой личности поэта.

Въ лицейскіе и ранніе петербургскіе годы свобода впервые
открылась Пушкину въ своевольн разгула, за стаканомъ вина,
въ ветряномъ волокитствѣ, овянномъ музой 18 века. Пар-
ни и Богдановичъ стоятъ, увы, воспріемниками свободы Пуш-
кина, какъ Державинъ — его имперш. Но уже восходитъ звез-
да Шенье, и поэтъ Вакха и Киприды становится поэтомъ «Воль-
ности». Юношескій протестъ противъ всякой тиражи получаетъ
свою первую «сублимацию» въ политической музѣ. Въ созна-
ніи юнаго Пушкина его политическіе стихи — серьезное слу-
женіе. Въ нихъ дышитъ подлинная страсть, и торжественнымъ
классическя одежды столь же идуть къ нимъ, какъ и къ рево-
люціоннымъ композиціямъ Давида. Но у Шенье есть и другой
соперникъ: Байронъ. Политическая свобода въ лире Пушкина,
несомненно, созвучна той мятежной волне страстей, которая
владѣетъ имъ, хотя и не всецело, въ начале 20-хъ годовъ: тотъ
же взрывъ порабощенныхъ чувствъ, та же суровая энергія, та
же мрачность, заволакивающая на время лазурь. Въ эти годы,
на юге, море («свободная стихія») становится символомъ этой
страстной, стихійной свободы, сливаясь съ образами Байрона
и Наполеона. Но какъ близокъ катарсисъ, аполлиническое очи-

щеніе отъ страстей! Въ «Цыганахъ» мы имеемъ замечательное **осложненіе** темы свободы, въ которой Пушкинъ совершаетъ надъ собой **творческій** судъ: свободу мятежную онъ **судитъ** во имя все той же, но высшей свободы.

Алеко порвалъ «оковы **просвѣщенія**», «неволю душныхъ **городовъ**», и это первое освобожденіе — байроническое — остается непрекаемымъ. Онъ правъ въ своемъ **бунтѣ противъ** цепей условной **цивилизаци**. Онъ **ищетъ** подъ степными шатрами свободы, и не находитъ. Почему? Пушкинъ **вѣритъ**, или хочетъ **вѣритъ**, что «бродячая **бѣдность**» цыганъ и есть желанная «воля»:

Здесь люди вольны, небо ясно...

Но этой ясности Алеко не дано. Онъ несетъ въ себе свою собственную неволю. Онъ рабъ страстей:

Но, Боже, какъ играли страсти

Его послушною душой.

Грехъ Алеко въ «Цыганахъ» не столько противъ **милосердія**, сколько противъ свободы:

Ты не рождень для дикой доли,

Ты для себя **лишь** хочешь воли.

Порвавшему оковы закона необходимо второе освобожденіе — отъ страстей, на которое Алеко не способенъ. Способны ли на это **сыны** степей? Поэту кажется, что да. Въ цыганской вольности даются два ответа на роковой вопросъ: легкость изменчивой **Земфиры**, этой пушкинской Кармень, и светлая мудрость старика, который изъ **отреченія** своей жизни выносить то же **благословеніе** природной, изменчивой любви:

вольнее птицы младость.

Кто въ **силахъ** удержать любовь?

Въ оптимизме старика-цыгана слышатся отзвуки Руссо. Но отдавая дань и здѣсь 18-му веку, Пушкинъ все же сомневается въ его правде. Одинъ ли Алеко, чужакъ, **угрожаетъ** счастью **дѣтей** природы? **Послѣдніе** звуки полны безысходнаго, совершенно античнаго трагизма:

И всюду страсти роковыя,

И отъ **судебъ** защиты нѣтъ.

Очищеніе Пушкина отъ «роковыхъ страстей» протекаетъ параллельно съ **изживаніемъ революціонной** страстности. Это **первый** серьезный кризисъ его «свободы», о которомъ дальше, **Прощаніе** съ моремъ въ 1824 году не простая разлука уезжающаго на северъ Пушкина. Это внутреннее **прощаніе** съ Байрономъ, революціей — все еще дорогими, но уже отходящими **Даль**, но уже невозможными.

Съ **тѣхъ поръ**, на севере, свобода Пушкина все более утрачиваетъ свой страстный, **діонисическій характеръ**. Она становится **трезвѣе, прохладнѣе**, чище. Она все более означаетъ для Пушкина свободу творческаго досуга. Ее все более приходится отстаивать отъ утилитаризма толпы; отъ большого света, въ который вошелъ Пушкинъ. Она расцветаетъ чаще всего осенью: уже не море, а русская деревня, **Михайловское**, Болдино являются пестунами ея. Свобода Пушкина становится **символомъ** независимости. Такова ея, приправленная горечью, последняя **декларация** (такъ **наз.** «Изъ **Пиндемонте**»):

Иная, лучшая потребна мне свобода...

Никому

Отчета не давать; себе лишь самому

Служить и угождать...

По прихоти своей скитаться здесь и тамъ,

Дивясь **божественнымъ** природы красотамъ,

И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья

Безмолвно утопать въ **восторгахъ** умиленья —

Вотъ счастье! Вотъ права...

Но, если здесь свобода какъ бы снижается до **себялюбія**, до индивидуалистическаго **отъединенія** отъ Мира людей, то на противоположномъ полюсе она **начинаетъ** для Пушкина звучать религиозно. Не **смѣя** касаться мимоходомъ чрезвычайно сложнаго вопроса о пушкинской **религиозности**, не могу не отметить, что во всехъ, не очень частыхъ высказываньяхъ Пушкина, въ **которыхъ** можно видеть **отраженіе** его **религиозныхъ** настроеній, они всегда связаны съ **ощущеніемъ** свободы. Въ этомъ самое сильное свидетельство о свободе, какъ метафизической основе его жизни. Религія предстоить ему не въ **образѣ** моральнаго закона, не въ зовахъ **таинственнаго** Мира, и не въ эросе сверхземной любви, а въ чаянш послѣдняго **освобожденія**.

Такъ онъ вздыхаетъ, заглядевшись на монастырь въ горахъ Кавказа (1829):

Туда, сказавъ прости ущелью,

Подняться къ вольной вышине,

Туда бѣ, въ заоблачную келью,

Въ соседство Бога скрыться мне!

Здесь важна **интуиція** Пушкина, что Богъ живетъ въ царствѣ свободы, и что **приближеніе** къ Нему **освобождаетъ**.

Переводъ изъ Беньяна (1834) начало его суровой пуританской поэмы, весьма далекой отъ всякаго чувства свободы, Пушкинъ роняетъ стихъ, который, очевидно, имеетъ для него особое значеше:

Какъ рабъ, **замыслившій** отчаянный **побѣгъ**, — для **выраженія аскетическаго отреченія** отъ Мира.

Даже перелагая монашескую, покаянную, великопостную молитву, Пушкинъ **вкладываетъ** въ нее тотъ же **легкій, освобождающій** смыслъ:

Чтобъ **сердцемъ** взлетать во области заочны...

И, наконецъ, накануне смерти, въ **посланіи** къ жене, онъ оставляетъ свое последнее **завѣщаніе** свободы, въ которомъ явно сливаются образы Бенъянскаго беглеца и монастыря на Кавказе.

На **свѣтѣ** счастья нетъ, а есть покой и воля.

Давно завидная мечтается мне доля,

Давно, усталый рабъ, замыслилъ я **побѣгъ**

Въ обитель дальнюю **трудоу** и чистыхъ негъ.

Вглядимся пристальнее въ ту **линію**, которую на общемъ фоне пушкинскаго **свободолюбія** описываетъ кривая его политической свободы, — свободы, сопряженной съ **имперіей**.

Пушкинъ начинаетъ съ гимновъ **революціи**. Напрасно **тракуютъ** ихъ иногда какъ вещи слабыя и не **заслуживающія** вниманія. «**Кинжалъ**» прекрасенъ, и **посланіе** къ Чаадаеву принадлежитъ къ лучшимъ и, что удивительно, совершенно зрелымъ (1818 г.) **созданіямъ** Пушкина. Среди **современныхъ** имъ **важнѣйшихъ** и вольтерьянскихъ шалостей пера, революціонные гимны Пушкина поражаютъ своей глубокой серьезностью. Замечательно то, что въ нихъ выражается не одно лишь кипеніе **революціонныхъ** страстей, но явственно **данъ** и ихъ катарсисъ. Чувствуется, что не Байронъ, а **аполлиническій** Шенье и Державинъ водили пушкинскимъ перомъ. А за умеряющимъ **вліяніемъ** Аполлона какъ не почувствовать его собственнаго **благороднаго** сердца?

Конечно, срывы есть. **Діонисическая стихія** мятежа иногда **захлестываетъ**, и муза поэта, какъ въ кавказскомъ гимне Цицианову, поетъ кровь. Строфа изъ «Вольности»: «Самовластительный злодей» и т. д., которая читается **теперь**, какъ проклятіе, исполнившееся черезъ 100 летъ, конечно, ужасна. Но до **читаемъ** до конца. Поэтъ, только что **выразившій** свою радость по поводу **убійства** Павла, рисуетъ сцену 11 марта:

О стыдъ! О **ужасъ** нашихъ дней!

Какъ звери, вторглись янычары!

Падутъ безславные удары —

Погибъ увенчанный злодей!

Нравственное **сознание торжествуетъ** здѣсь надъ **политическимъ** удовлетворешемъ. Убитый тиранъ и **убійцы-звѣри** одинаково отвратительны поэту. Не находитъ **оправданія** въ его глазахъ и казнь Людовика, жертвы предковъ. Правда, онъ **воспѣваетъ кинжалъ**, т. е. **терроръ**, т. е. **убійство**. Но здѣсь слабый убиваетъ **сильнаго**, свободная личность возстаётъ **противъ** тирана. Принимая войну и **рыцарскій поединокъ**, Пушкинъ не могъ возражать противъ **тираноубійства**. Но посмотрите, **какъ нелицеприятно** наноситъ онъ свои удары. Его герои — **Брутъ**, Шарлотта Корде, **Георгъ Зандъ**. **Убійца** императора **поставленъ** рядомъ съ **убійцей** революціоннаго тирана. Въ **«Вольности»** народы и цари одинаково подвластны Закону:

И **горе**, горе **племенамъ**,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль Народу, иль Царямъ
Закономъ властвовать возможно!

Призывъ къ **«возстанію рабовъ»**, угрозы смертно **тиранамъ** кончаются идеаломъ законной, **конституціонной** монархш:

И **станутъ вѣчной** стражей трона .
Народовъ вольность и покой.

Если это декабризмъ, то декабризмъ **конституціонный**, Никиты Муравьева, а не **Пестеля**.

«Деревня» **рисуетъ** крепостное рабство въ Россш мрачными, тяжелыми красками. Такимъ **видѣтъ** его **Радищевъ**. Злодейства господъ, **изображенныя** здѣсь, какъ будто **воплотъ** о мести. **Возстаніе** угнетенныхъ было бы въ этомъ случае **естественнымъ**, даже съ художественной точки **зрѣнія**, **разрѣшеніемъ**. Но мы знаемъ, какъ **кончается** Пушкинъ: **падениемъ** рабства «по машо царя» и зарей «просвещенной свободы».

Отметимъ также, что, хотя Пушкинъ **поетъ** о **страданіяхъ** народа и грозитъ его **притѣснителямъ**, ничто не **позволяетъ** назвать его демократомъ. Свобода его еще не эгоистична, она для всехъ. Но опасность грозитъ ей одинаково и отъ царей, и отъ самихъ народовъ. Для Пушкина драгоценна именно вольность народа, а не его **власть**. Это чрезвычайно существенно для пониманья политической эволюши Пушкина. Его отходъ отъ **революши вытекаетъ изъ** разочарованья не въ свободѣ, а въ народѣ, какъ въ недостойномъ носителѣ свободы.

Мы сказали, что освобожденіе Пушкина отъ **революціонныхъ** страстей **протекаетъ** параллельно съ его **очищеніемъ** отъ страстей байроническихъ. **Байронъ** былъ для него и **политическимъ** героемъ, **борцомъ** за свободу Греши. Кризисъ **насталъ**, или былъ ускоренъ, въ связи съ политическими **событіями** въ

Европѣ. 1820-ый годъ ознаменовался рядомъ **возстаній**, угрожавшихъ взорвать **реакціонный порядокъ**, установленный Священнымъ Союзомъ. Въ **Испаніи**, въ Неаполе, въ **Германіи** происходятъ **народныя движенія**, на которыя Пушкинъ и его друзья отзываются радостными надеждами. Въ Кишиневе Пушкинъ самъ присутствуетъ при начале греческаго **возстанія** и восторженно провожаетъ на войну героевъ **гетерии**. **Пораженіе** всехъ этихъ **революціонныхъ** всплшекъ оставило въ поэте **горькій осадокъ**. По отношенію къ грекамъ оно обострилось еще **разочарованіемъ** въ нихъ, какъ въ народе, недостойномъ великихъ **предковъ**. Въ **концѣ** 1823 г. этотъ кризисъ нашель себе горькое и сильное **выраженіе** въ **извѣстныхъ** стихахъ:

Свободы сеятель пустынный, —
Я вышелъ рано, до звезды.

Пушкинъ сознаетъ себя сеятелемъ свободы, серьезно относясь къ своему революціонному призванію. Но онъ приходитъ къ сознанію **бесполезности** своихъ — и **общихъ** — **усилій**:

Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Васъ не разбудить чести кличь!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно резать или стричь!

Жестокія слова, **срывающіяся изъ-подъ** пера (снова срывъ) — не **проклятіе** свободе, а **проклятіе** рабамъ, не умеющимъ за нее бороться. Но это поворотный моментъ. Здесь, а не 14 декабря 1825 г., первое **рожденіе** пушкинскаго консерватизма. Не отрекаясь отъ идеала свободы, онъ уже пораженъ горечью **ея** неосуществимости. **Его** консервативное **сознаніе** впервые рождается изъ скептицизма. Это подтверждается обращеннымъ къ А. Н. Раевскому «Демономъ», написанномъ въ **тѣ** же дни.

«Неистощимый клеветою» искуситель **отрицаетъ** все святыни, на которыхъ покоилась **религія** пушкинскаго гуманизма:

Онъ вдохновенъ **презираль**,
Не верилъ онъ любви, свободе...

Отричаніе свободы для Пушкина равносильно съ клеветой на Провидѣе. И **тѣмъ** не менее Пушкинъ признается, что онъ **подпадаетъ** подъ власть этихъ искушешъ («вливая въ душу **хладный ядъ**»).

Свобода не теряла для Пушкина своей священности въ то **время**, когда онъ прощался съ ней. Его последнее **обращеніе** къ морю, какъ мы указали уже, имеетъ своей темой свободу, т. е. ту мятежную, **революціонную** **стихію**, къ которой онъ

рвался такъ страстно — въ греческомъ ли **возстаніи**, или въ декабристскомъ заговоре. Не объ этой ли «свободной стихш» Пушкинъ **мечтаетъ**, бессознательно (какъ бы обертономъ), говоря о своихъ несбывшихся надеждахъ:

Не удалось **навѣкъ** оставить

Мнѣ скучный, неподвижный **брегъ...**

Эта твердая почва, на которой онъ **стоитъ**, — почва Россш, быта, консерватизма, — не имеетъ еще для него ни малейшей прелести. Но свобода неосуществима, и **миръ** постыль — именно потому, что въ немъ нѣтъ места свободе:

Миръ опустѣлъ...

Судьба людей повсюду та же:

Где благо, тамъ уже на страже

Иль самовластье, иль тиранъ.

Эту мысль онъ повторяетъ — только съ еще большей горечью, на этотъ разъ обращенной **къ** самой изменчивой стихш моря — въ 1826 г. въ письме къ кн. П. А. Вяземскому:

Не славь его! Въ нашъ гнусный **вѣкъ**

Седой Нептунъ — земли союзникъ.

На всехъ **стихяхъ** человекъ —

Тиранъ, предатель или узникъ.

Хорошо известень **политическій** намекъ, **закрывающійся** въ **этихъ словахъ** (слухъ объ аресте Н. И. Тургенева), и совершенно ясно, что, обвиняя море, Пушкинъ еще не **предпочитаетъ** ему суши, и что величайшими **преступлениями** для него являются **тѣ**, которыя совершаются противъ свободы.

Много **лѣтъ пройдетъ**, пока въ «Мѣдномъ Всадникѣ» (1832) Пушкинъ не **увидитъ** въ ярости бушующей водной стихш злую силу, и не станетъ противъ нея съ Петромъ:

Да умирится же съ тобой

И побежденная **стихія!**

Что въ Пушкине живъ, и после **прошанія** съ **моремъ**, зтось свободы, хорошо видно изъ «Андрея Шенья», написаннаго **имъ** «на суше», въ **Михайловскомъ**, въ **периодъ** «Бориса Годунова» (1825). Это **стихотворение** совершенно подобно «Вольности» и «Кинжалу» въ своей двусторонней направленности противъ тиражи царей и народа. Замечательно, что **гибнущій** подъ революционнѣмъ топоромъ поэтъ — а съ нимъ и Пушкинъ — не смеетъ бросить **обвиненія самой** свободе, во имя которой **истовствуютъ** палачи:

Но ты, священная свобода,

Богиня чистая, нѣтъ, не виновна ты...

Въ 1825 г. Пушкинъ на распутии. **Позади** море, **югъ**, **рево-**

люцїя — передъ нимъ **Михайловское, деревня, Россїя. Нѣтъ сомнѣнїя**, что его **развитіе** въ сторону «свободнаго консерватизма» было предопределено. Но въ этотъ медленный, органическій ростъ его новаго чувства Россїи 14-ое декабря упало, какъ **молнїя**. Оно сильно запутало и исказило ясность пушкинскаго пути. Оно заставило поэта принять **рѣшеніе**, сделать выборъ — для него, быть можетъ, преждевременный. Оно стало исходнымъ пунктомъ **ложнаго положенїя**, въ которомъ Пушкинъ мучился всю свою жизнь. Это **положеніе** можно было бы охарактеризовать кратко: поднадзорный **камеръ-юнкеръ**, или **пѣвецъ** имперїи, преследуемый до самаго конца за неистребимый духъ свободы.

Корни **пушкинскаго** консерватизма — вполне предопределеннаго — многообразны и сложны. Въ **главномъ**, онъ связанъ, конечно, съ **«поумнѣнїемъ»** Пушкина: съ возросшимъ опытомъ, съ трезвымъ взглядомъ на **Россїю**, на ея **политическія** возможности, на роль ея исторической власти. Личный опытъ и личный **умъ** при этомъ оказываются въ **гармонїи** съ **основнымъ** и **мощнымъ** потокомъ русской мысли. Это **теченіе** — отъ Карамзина къ Погодину — легко забывается нами за блестящей вспышкой либерализма 20-хъ **годовъ**. А между **тѣмъ** національно-консервативное теченїе было, несомненно, и более глубокимъ и органически выросшимъ. Оно являлось прежде всего **реакціей** на **европеизмъ** 18 вѣка, могущественно подержанной атмосферой 1812 года. У его истоковъ **«Исторїя Государства Россійскаго»**, въ **завершенїи** — русскїя песни **Жирѣвскаго**, словарь Даля, молодая русская **этнографїя Николаевскихъ** летъ. «Народность» не было только **официальнымъ лозунгомъ** гр. Уварова. Она удовлетворяла глубокой **національной** потребности общества. И Пушкинъ принялъ **участіе** въ **творческомъ** изученїи русской народности, какъ собиратель народныхъ **пѣсенъ**, какъ создатель «Бориса Годунова» и «Русалки». Мы понимаемъ, почему онъ былъ ближе по своимъ **сочувствїямъ** къ Карамзину (несмотря на юношескую эпиграмму), **чѣмъ** къ Каченовскому, къ Погодину, **чѣмъ** къ Полевому.

Но къ этимъ органическимъ и оправданнымъ мотивамъ историческая случайность (14-ое декабря) **присоединяетъ** другїя, **менѣе** чистыя. Съ однимъ мы уже познакомились: это **скептицизмъ**. Другой явственнo и болезненно для насъ встаетъ въ **его** письмахъ: это его естественная, но отнюдь не героическая **потребность** — определить какъ можно скорее свою судьбу, вырваться изъ Михайловскаго, покончить съ прошлымъ, **вступить** съ правительствомъ въ лойяльныя, договорныя **отношенїя**.

Замечательно, что и этот мотив восходит все къ той же **свободѣ** — на этотъ разъ личной свободе. Пушкинъ **жаждетъ** вырваться изъ ссылки какой бы то ни было ценой: не удастся бегство изъ Россіи, **эмиграція**, — остается договориться съ царемъ. Въ этихъ переговорахъ все преимущества были на стороне императора. Николай I показалъ себя, какъ въ **отношеніяхъ** съ декабристами, превосходнымъ актеромъ, и Пушкинъ запутался въ сетяхъ царя.

Есть полная и печальная аналогія между **отношеніемъ** Пушкина къ Н. Н. Гончаровой и **отношеніемъ** его къ Николаю. Пушкинъ былъ **прельщенъ** и порабощенъ навсегда — въ одномъ случае бездушнoй красотой, въ другомъ — бездушной силой. Съ доверчивостью и беззащитностью поэта, Пушкинъ увидель въ одной идеаль Мадонны, въ другомъ — **Великаго Петра**. Къ отдалъ себя обoимъ добровольно, связавъ себя словомъ, обетомъ верности, обрекавшихъ его на жизнь, полную мелкихъ **терзаній** и бессмысленныхъ униженій.

Но какъ понятенъ источникъ роковой ошибки. Поэтъ, наскучившій своей бездомностью и скитальчествомъ, хочетъ **имѣть** родину, семью, быть певцомъ родной земли и вкусить лойяльной, не блуждающей любви. Возьмемъ первую тему. Доселе онъ воспевалъ императоровъ 18 века, носителей свободы, и проклиналъ царей своего времени — Павла, Александра, **измѣнившихъ** ей. Почему же новый царь не можетъ вернуться къ благородной **традиціи** свободолубивой имперіи? Пушкинъ не **измѣняетъ** себе, онъ лишь хочетъ сковать въ одно две свои верности, две **политическихъ** темы своей музыки: имперіи и **свободу**. «Стансы» Николаю, его **поэтический** договоръ съ царемъ, где онъ предлагаетъ ему идеаль **Петра**, — разве это измена? Пушкинъ долго живетъ надеждами, ловить въ словахъ новаго самодержца проблески просвещенной доброй воли; ошибаясь, бранится, **будируетъ**, но не разрываетъ новой лойяльности.

Впрочемъ, отношенія Пушкина къ Николаю I слишкомъ сложны, чтобы ихъ исчерпать въ **нѣсколькихъ** строкахъ. Столь же **сложенъ** сталъ образъ свободы у Пушкина въ последнее **десятилѣтіе** его жизни. Съ уверенностью можно сказать, что поэтъ никогда не изменилъ ей. Со всей силой онъ утверждаетъ ее для своего творчества. Тема свободы поэта отъ «черни», **общественнаго** мненія, отъ властей и народа, становится преобладающей въ его общественной лирике. Иной разъ она **звучитъ** лично, эгоистически: «себе лишь одному служить и угождать», иной **разъ** пророчески-самоотверженно. Но рядомъ съ этой личной свободой **поэта** не **умираетъ**, хотя и приглушается,

другая, политическая тема. Все чаще она, никогда не **имѣвшая демократическаго** характера, получает аристократическое обличье. Впрочемъ этотъ **аристократическій** либерализмъ Пушкина **оставилъ** больше **слѣда** въ его **замѣткахъ** и **письмахъ** (разсужденія о дворянствѣ, замечанья вел. кн. Михаилу Николаевичу о Романовыхъ-niveleurs), **чѣмъ** въ **поэзии**. Нельзя, впрочемъ, не найти въ «Борисе Годунове» отраженія собственныхъ политическихъ идей поэта хотя бы въ словахъ фрондирующаго Пушкина, его предка, или въ похвалахъ кн. Курбскому.

Наконецъ, нельзя не видеть сжатаго подъ очень **высокимъ «имперскимъ» давленіемъ паюоса** свободы въ пушкинскомъ «Пугачевѣ». Не случайно, конечно, Стенька Разинъ и **Пугачевъ**, на ряду съ Петромъ **Великимъ**, более всего влекли **къ** себе историческую лиру. Пушкина. Въ зрелые годы онъ никогда не сталъ бы певцомъ русскаго бунта, «безсмысленнаго **и безпощаднаго**». Но онъ и не пожелалъ бросить Пугачева подъ ноги Михельсону **и** даже Суворову. Въ «Капитанской дочке» два политическихъ центра: Пугачевъ и Екатерина, и оба они нарисованы съ явнымъ **сочувствіемъ**. Пушкинъ, **безспорно, любилъ** Пугачева за то же, за что онъ любилъ Байрона и Наполеона: за смелость, за силу, за проблески **великодушія**. Пугачевъ, **разсказывающій** съ «дикимъ **вдохновеніемъ**» калмыцкую сказку объ орле и вороне: «чемъ триста **лѣтъ** питается падалью, лучше одинъ разъ выпить живой крови», — это ключъ къ пушкинскому увлеченію. Оно порукой за то, что Пушкинъ, строитель русской имперіи, никогда не могъ бы сбросить со счетовъ русской, хотя бы и дикой, воли. Русская воля и западное **просвѣщеніе** проводятъ грань между **пушкинскимъ консерватизмомъ**, его **имперіей**, и Николаевскимъ или Погодинскимъ **государствомъ Россійскимъ**.

Конечно, Пушкинъ не политикъ и не всегда сводитъ концы съ концами. Есть у него грехи и прегрешенія противъ свободы — **и** даже довольно **тяжкіе**. Таково его **удовлетвореніе** по поводу закрытія журнала Полевого или защита цензуры въ анти-радищевскихъ «Мысляхъ по дороге». Но все эти промахи **и** обмолвки **исчезаютъ передъ** его основной **лояльностью**. Никогда, ни единымъ **словомъ** онъ не предалъ и не отрекся отъ **друзей** своей юности — декабристовъ — какъ не отрекся отъ **А. Шенье** и отъ Байрона. Никогда сознательно Пушкинъ не **переходилъ** въ станъ **враговъ** свободы и не становился певцомъ **реакціи**. Въ конце концовъ кн. Вяземскій былъ совершенно **правъ**, назвавъ политическое **направленіе зрѣлаго** Пушкина «**свободнымъ консерватизмомъ**». Съ **именемъ** свободы на устахъ

Пушкинъ и умерь: политической свободы въ своемъ «Памятнике», духовной въ **стихахъ** къ жене о «покое и воле». Пусть чаемый имъ синтезъ имперш и свободы не осуществился — даже въ его творчестве, **еще** менее въ русской жизни; пусть **Россійская имперія** погибла, не решивъ этой пушкинской задачи. Она стоитъ и передъ нами, какъ передъ **всѣми** будущими **поколѣніями**, теперь еще более трудная, **чѣмъ** когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Росая не будетъ жить, если не исполнить **завѣщанія** своего поэта, если не одухотворить тяжесть своей вновь воздвигаемой Имперш крылатой свободой.

Г. Федотовъ.

19 октября.

^{этомъ отъ вѣдущаго}
 Родина мѣла безречивъ свой убогъ ^{но}
 Диминутъ морозъ на утраченномъ
 Пространствѣ зима дѣлаетъ, будто поживаетъ
 И вразомъ задремъ туманитъ вѣра...
 Мелань, кашинд, въ мѣнѣ му-тѣтѣи вѣстѣ!
 А ты, вѣно, вѣтѣи стужѣи дѣтѣи.
 Промѣи мѣлѣи дѣтѣи вѣтѣи поживѣи
 Мелань мѣлѣи дѣтѣи мѣлѣи мѣлѣи

Побѣди мѣлѣи! мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи
 За вѣтѣи дѣтѣи! мѣлѣи дѣтѣи, дѣтѣи
 Мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи, на мѣлѣи мѣлѣи
 Мелань мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи
 Мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи
 Мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи
 Мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи
 Мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи мѣлѣи

Первыя строфы стихотворенія, посвященнаго годовщинѣ Царскосельскаго Лицея (1825 г.).